

№

17

Антрактъ выходитъ ежедѣльно. Цѣна изданію—за годъ (40 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 30 к. въ сл. пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 30 к., и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 30 к. Цѣна отдѣльному экземпляру нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Антракта при типографіи П. П. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Руса (у Мясницкихъ воротъ), у книготорговцевъ: бр. Сазаевыхъ, Соловьева, Черенка и Галазнова, въ магазинахъ Парадеева и Корещево старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С. Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. П. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержаніе: Московскій театръ (О представленіи трагедіи графа Толстаго 19 апрѣля, *М. П. Погодина*. Бенефисъ г. Черневскаго, *В. Н. Родиславскаго*. Бенефисъ г. Манохина, *Дилетанта*. № 10 итальянскаго абонемена и бенефисъ г-жи Арто, *Незнакомца*.—По поводу закладки чешскаго театра.—Письмо къ редактору.—Смѣсь (Высочайшее повелѣніе. Новая піеса. Новая актриса. Новое музыкальное общество. Случай при представленіи *Папоротника*. Любительскіе спектакли. Ангажементъ танцовщицы. Еще о закладкѣ чешскаго театра).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

О ПРЕДСТАВЛЕНІИ ТРАГЕДІИ ГРАФА ТОЛСТАГО 19 АПРѢЛЯ.

И я повидался съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Г. Шумскій напомнилъ мнѣ его живо, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Я не стану разбирать всей игры нашихъ артистовъ, потому что вмѣстѣ съ нею я долженъ бы былъ разбирать и трагедію, что завлекло бы меня далеко, а я сдѣлаю только нѣсколько замѣчаній общихъ.

Декораций и костюмы очень хороши, но представленіе заставляетъ желать многого.

Первая боярская сцена ниже всякой критики. Я не знаю, кто ставилъ піесу, не читалъ и паставленій, написанныхъ авторомъ, и буду говорить, судя по содержанію, руководствуясь однимъ здравымъ смысломъ.

Іоаннъ велѣлъ боярамъ избирать царя. Они должны быть ошеломлены такимъ повелѣніемъ. Страхъ и недоумѣніе должны господствовать между ними. Каждый долженъ пачинать рѣчь, какъ будто не хоти, види въ воображеніи Іоанна и стараясь угадать его намѣреніе, боясь за себя, чтобы не навлечь себѣ бѣды. Они не могли вѣрить искренности Іоанновой, и слѣдовательно должны были зашкаться, и каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ показывать, въ какомъ нравственномъ

положеніи находятся. А они толковали такъ, какъ будто собирались на охоту, совершенно спокойные. Собственно ничье имя не могло бы быть здѣсь произнесено, а если уже произнеслось, то съ удареніемъ на всѣхъ оговоркахъ.

Годуновъ выручалъ ихъ, предложивъ просить царя, чтобы онъ остался на престолѣ. Вотъ тутъ они, особливо до тѣхъ поръ, могли вострепещуться и непрерывно выражать свое согласіе. Тяжелая ноша пала съ ихъ плечъ.

Сицкому стало не въ герпежъ, и должно было уподѣть зрителямъ, что рѣчь его певольно вылилась изъ накипѣлаго сердца, и что онъ самъ не помнитъ, что говорить, что онъ самъ чрезъ чашу образумится и испугается своихъ словъ, срывающихся съ его языка въ какомъ то забытѣ. Кажется, это такъ и было исполнено г. Самарнинымъ; но я признаюсь, что въ это время имѣлъ уже дѣло больше съ своимъ воображеніемъ, чѣмъ со сценою въ дѣйствительности.

Споръ о мѣстахъ, совершенно безвременный, надо было актерамъ скрасть, а они его усилили еще больше, и предъ поднятіемъ занавѣса шумѣли, какъ на пожарѣ. Какъ ни любили бояре мѣстничать, но предъ такимъ совѣтомъ, не можетъ быть, чтобы они слишкомъ позабылись!

Эта сцена съ 20, 30 человекъ, хорошо слаженная, должна бы произвѣсти сильное дѣйствіе на слушателей, показывая, какой страхъ нагналъ на всѣхъ Иванъ Васильевичъ, а она прошла незамѣтная.

То же чувство должно было проглядывать и въ прочихъ сценахъ бояръ съ Иоанномъ. Ни одного слова ни кѣмъ не должно быть произнесено громко, смѣло, рѣшительно; напротивъ вездѣ должно господствовать одно и то же настроеніе. Роль Иоанна должна играть въ всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ. Они не столько должны представлять себя, сколько быть его отраженіемъ. По ихъ зритель долженъ судить объ Иоаннѣ: каково было это чадушко, посланное Богомъ въ гнѣвъ на русскую землю!

Минута смерти Иоанновой — да вѣдь это страшная минута! Здѣсь такая благодарная задача для пѣмой живой картины, что у зрителей должно бы замереть сердце. Тутъ должно бы подолгу, послѣ каждого слова, кѣмъ нибудь произнесеннаго, царить молчаніе. Неужели Иоаннъ умеръ? Можетъ ли быть? Ну, если онъ встанетъ? и тому под.

Скажу два слова о г. Шумскомъ. Я видѣлъ въ немъ часто, увлекался, не актера, а лицо, слѣдовательно не могъ слѣдить за его ролью, а могу передать только общее впечатлѣніе, соответствующее внутреннему собственному представленію: мимика его совершенно сходилась съ этимъ представленіемъ. Касательно его выраженія, у г. Шумскаго, казалось мнѣ, не доставало выпуклости; у него были переходы, а, по моему, у Иоанна должны бытъ скачки: онъ говоритъ, положимъ, тихо, разсудительно, даже хочетъ показать спокойствіе; вдругъ что-то кольнетъ его въ бокъ, какое нибудь слово чужое, или собственная мысль, ударитъ его по тѣмъ или другимъ фибрамъ, и онъ взбѣлится, не владея собою, забывшая вѣззаппо, что онъ говоритъ, или что хотѣлъ онъ дать понимать. Лпръ былъ старикъ взбалмошный, но добрый; Иоаннъ взбалмошный, но злодѣй кровожадный, и эта злоба должна быть вездѣ подкладкою его рѣчей. Потомъ—во всемъ его образѣ дѣйствій предлагаю безпокойство: онъ ни на чемъ остановиться не можетъ!

Къ Иоанну приходятъ бояре, разеуждавшіе о выборѣ ему преемника. Казалось бы, Иоанну естественно пожелать узнать скорое рѣшеніе, а онъ начинаетъ говорить съ ними, т. е. кошка хочетъ поиграть съ мышью. Онъ рѣшился уже самъ осѣсть на престолѣ, и согласіе не должно быть выражено какъ слѣдствіе просьбы а какъ рѣшеніе, прежде чѣмъ пріхода слѣдующее.

Здѣсь была прекращенная минута у г. Шумскаго, когда онъ велѣлъ подать себѣ облаченіе, и опять воцарился.

Ворисъ напоследъ ему ударъ слишкомъ рѣзко. Горисъ какъ будто опасается, что зрители не поймутъ его намѣренія, слишкомъ впрочемъ слишкомъ бѣлыми штками. По крайней мѣрѣ, онъ долженъ бы съ великимъ страхомъ передавать его, опасаясь за всякое слово, а онъ почти прокричалъ съ угрозою свой отвѣтъ.

Супруга Иоаннова была очень хороша. Это настоящая русская старая царница. Услышавъ послѣднее рѣшеніе,

она впрочемъ должна бы выразить свою жалобу, по совѣту Романова, все-таки гораздо мягче, помня, что она говоритъ Иоанну, а не какъ обыкновенная встревоженная мать.

Точно такъ-же должно похвалить и Теодора.

Мнѣ нужно увидѣть представленіе въ другой разъ, чтобъ провѣрить и себя, и игру, и сочненіе, а теперь я во многомъ, можетъ быть, ошибаюсь, не замѣтивъ одного, пропустивъ другое, и смѣшавъ третье, въ чемъ у знатоковъ и прошу извиненія.

М. Погодинъ.

БЕНЕФИСЪ Г. ЧЕРНЕВСКАГО.

Утро Хрептюгина, драматическій очеркъ въ 1 дѣйствіи, соч. Щедрина. Подруга жизни, простая исторія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. П...ва. Женить въ затруднительномъ положеніи, ком. въ 1 дѣйствіи, перед. (сочиненіи, или изъ пера?) Кн. Емалычевымъ (24 апрѣля).

Сколько пріятныхъ надеждъ возлагали мы на бенефисъ помощника режиссера нашей драматической труппы, г. Черневскаго, сколько интереснаго ждали мы отъ него и все это разлеглось, какъ дымъ! Мы ждали увидать на этомъ бенефисѣ *Свадьбу Фигаро* Бомарше, а вмѣсто нея увидали бесочныя, сухія, нептательныя произведенія нашей домашней кухни. Мы ждали вкушать хлѣба, а намъ дали что-то въ родѣ тѣхъ лепешекъ изъ моха, коры и т. п., которыми питаются жители странъ, пораженныхъ голодомъ. Но вѣдь отъ подобныхъ лепешекъ болѣютъ и умираютъ, а отъ подобныхъ эстетическихъ произведеній не портится ли, не страдаетъ ли, не притупляется ли и даже не умираетъ ли вкусъ публики? И что за причина, что *Свадьба Фигаро*, разрѣшенная снова театральною цензурою, не можетъ попасть на сцену ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ? Въ Петербургѣ этому, какъ объявилъ г. Каратыгинъ въ письмѣ, напечатанномъ и въ нашей газетѣ, мѣшаетъ болѣзнь г. Нильскаго, непрепятствующая впрочемъ появляться ему въ роли Грознаго, гораздо болѣе утомительной, чѣмъ роль графа Альмавивы; чья же болѣзнь чья же воля препятствуетъ этой комедіи появиться на московской сценѣ? О, какъ бы рады мы были, еслибы можно было публично разоблачить эту волю, эту болѣзнь.

И такъ, мы не знаемъ, по какой причинѣ, но только мы не увидали *Свадьбы Фигаро*. Что же намъ дали вмѣсто нея, какимъ суррогатомъ хлѣба жива угостила насъ г. бенефициантъ?

Бенефисъ начался сценами Щедрина *Утро Хрептюгина*. Сцены эти въ 101-й разъ доказали, что не все, написанное въ драматической формѣ, годится для сцены, которая требуетъ именно *нѣтъ*, т. е. законченнаго цѣлаго, съ содержаніемъ, завязкою и развязкою. Сцены Щедрина не удовлетворяютъ этому требованію и, не смотря на ихъ наблюдательность, на сатиру, въ нихъ заключающуюся, на нѣкоторую даже типичность дѣйствующихъ лицъ, на умъ и талантъ автора, они окончилась при шикарны публички.

За сценами Щедрина послѣдовала простая исторія,

полѣ названіемъ *Подруга жизни*. Рассказываютъ, что она написана уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, по скромный авторъ не хотѣлъ дѣлиться ею съ публикою и только по смерти его, друзья покойнаго познакомили насъ съ нею. Если этотъ рассказъ справедливъ, то скромность автора дѣлаетъ большую ему честь: не заслуга написать плохую піесу, но большая заслуга не отдать ея на сцену, куда несутъ все, не разбирая, стоятъ ли оно того, чтобы быть представлено, забывая, что «не все жизненное годно для сцены, хотя для сцены и должно быть все отъ жизни, что драма, по выраженію Флшера, должна быть *поэзією поэзіи* (Аеск. III, 316)». Да, заслуга со стороны автора рѣдкая и немаловажная, но услужили же ему его друзья! Ну зачѣмъ было имъ тревожить память покойнаго и выносить на свѣтъ божій то, что самъ авторъ не считалъ достойнымъ этого свѣта.

Помните ли вы стихотвореніе Некрасова *Маша*, стихотвореніе о томъ, какъ бѣдный мужъ трудится, не жалея ни здоровья, ни даже жизни для того, чтобы не лишить молодой своей жены удовольствій? Тотъ же сюжетъ и въ піесѣ *Подруга жизни*; но если его достало на одно небольшое стихотвореніе, вовсе не принадлежащее къ числу лучшихъ некрасовскихъ стихотвореній, то, разумѣется, этого гомеопатическаго сюжета совершенно не хватало на піесу въ четыре дѣйствія и пять картинъ. Эту капельную дозу содержанія авторъ *Подруги жизни* развелъ ушами простой воды, и что же оказалось въ результатѣ?—простая вода, вовсе неинтересная исторія о томъ, что какой-то Сбоевъ (Вильде), лицо безъ лица, заинтересовавшійся игрою на фортепiano живущей надъ нимъ барышни, Любочки Красновской (Николкина), тоже непадѣльной никакими характеристическими чертами, влюбился въ эту барышню. Вся первая картина піесы заключается въ томъ, что онъ объ этомъ говоритъ и съ своимъ пріятелемъ Ручкинѣмъ (Колосовъ), и съ своей матерью (Рыкалова), а потомъ отправляется въ гости къ Красновскимъ. Вторая картина состоитъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ предложеніе Любочкѣ, и мать этой барышни (Медвѣдева) соглашается на ихъ бракъ. Неправда ли, какъ все это занимательно и интересно? Піеса кончается тѣмъ, что мужъ, не щадившій ни себя, ни своей матери для жены, трудившійся днѣ и ночи, чтобы доставить ей удовольствія, умираетъ, узнавъ, что эта любимая имъ «подруга жизни» ему измѣнила, при чемъ разумѣется, по обычаю нашихъ драматурговъ вся вина сваливается на окружающую среду, какъ будто мы ни въ чемъ сами не виноваты, какъ будто виновата одна только среда, какъ будто не мы же сами ее составляемъ. Женился человекъ на пустой барышнѣ, не сумѣлъ исправить ее, не сумѣлъ сдѣлать ее хорошимъ человекомъ, ну и давай говорить: среда виновата, а мы въ этомъ не причастны!

Впрочемъ, надо сказать, что *Подруга жизни* не заключаетъ въ себѣ ни такихъ несообразностей, ни такихъ нелѣпостей, ни такихъ претензій и не коробитъ такъ, какъ

напр. комедія г. Маври *Говоруны*. Это простая исторія, но до такой степени ужъ простая, что ея не стоитъ и рассказывать, да еще въ продолженіи большихъ пяти картинъ. Когда Гамлетъ, послѣ разговора съ тѣною своего отца вышедшей изъ могилы, говоритъ Горацію.

Кѣтъ въ Днии ни одного влады.

Который не былъ бы негоднымъ плутомъ.

Горацію, не смотря на всю справедливость этихъ словъ весьма резонно отвѣчаетъ ему:

Чтобъ это намъ сказать, не стоитъ

Вставать изъ гроба мертвецу.

Такъ точно для того, чтобы сказать намъ то, что говоритъ *Подруга жизни*, не стоитъ писать пяти картинную піесу; для этого черезъ чуръ довольно и малѣйшаго стихотворенія, какое написалъ Некрасовъ. Типическихъ лицъ въ *Подругѣ жизни* не имѣется, а стереотипные дѣйствующіе (молодой человекъ, молодая дѣвушка, теща, любящая мать, добрый дядя холостякъ-чиновникъ и т. п.) для изображенія своего на сценѣ не требуютъ отъ актеровъ ни обдумыванія роли, ни таланта, а только одного сценическаго павыка, одного умѣнья, котораго, разумѣется, у нашихъ актеровъ и достаточно низкой степени, до того достало, что даже г. Колосовъ, въ роли Ручкина, своего рода Кочкарева, пустого малаго, но любящаго хлопотать по чужимъ дѣламъ, въ роли, хоть нѣсколько выдающейся изъ числа другихъ безличныхъ ролей піесы, вызываетъ рукоплесканія и даже заслуживъ вызовъ. Не дурно бы только, чтобы онъ и въ этой роли позаботился о своихъ манерахъ. Последняя піеса бенефиса, комедія (не лучше ли было назвать ее шуткой: названіе комедіи слишкомъ серьезно для подобной піесы) была бы пожалуй и забавна, если бы не была слишкомъ длинна для шутки. Жаль, что въ ней г. Садовскій позволяетъ себѣ фарсъ, недостойный его таланта. Саявъ парикъ, онъ падѣлъ его потомъ задомъ напередъ и оставался такъ въ продолженіи всей піесы. Страшно, какъ другія лица піесы не замѣтили изображаемому г. Садовскимъ Каблучкову: «Почравьте парикъ.» Такому таланту, какъ г. Садовскій, нечего прибѣгать для возбужденія смѣха къ подобнымъ выходкамъ, да и роль то надо было бы выучить подверже.

В. Р.

БЕНЕФИСЪ Г. МАНОХИНА (26 апрѣля).

Бенефисъ г. Манохина почти весь состоитъ изъ отрывковъ. Этотъ способъ составленія балетныхъ бенефисовъ вошелъ въ послѣднее время въ моду. Тутъ всякія «требованія искусства», всякая мысль о цѣльномъ впечатлѣніи и т. п. отбрасываются въ сторону. Все дѣло въ томъ, чтобы привлечь публику—именно любимыхъ тащовицъ, которыя непременно должны быть безъ исключенія участвовать въ этихъ отрывкахъ; для каждой назначается особенный отрывокъ. Выигръ въ этомъ бенефициантамъ, конечно нельзя. Ставить новые билеты или возобновлять старые позабытые—для нихъ не слѣдуетъ. На это имѣютъ привилегію не многіе избранные, и потому сказать, въ настоящее время цѣна на

никъ г. Соколовъ, который подъ конецъ своего поприща сдѣлался самъ сочинителемъ балетовъ. Давать же балеты, совершенно заграничные, въ родѣ *Конька-Горбунка*, значить заранее быть увѣреннымъ, что не будетъ сбора. И вотъ по неволѣ бенефициантъ прибѣгаетъ къ балетному внѣгреду. Но бѣда въ томъ, что даже и этотъ способъ начинаетъ оказываться несостоятельнымъ. Доказательствомъ тому служитъ бенефисъ г. Манохина. Ужъ на что кажется разнообразно была составлена афиша этого бенефиса, а театръ все-таки былъ почти пустъ, такъ что мы сомнѣваемся, не пришлось-ли даже бенефицианту приплатить своихъ, вмѣсто всякаго сбора... Отчасти этому обстоятельству способствовала еще итальянская опера, поглощающая восторги и деньги московской публики.

Бенефисъ начался актомъ, или скорѣе нѣсколькими сценами изъ балета *Эсмеральда*, въ которомъ главную роль исполняла г-жа Шапошникова. У этой миловидной танцовщицы есть мимика; лицо ея способно выражать различные переходы чувствъ, но сколько намъ кажется, она мало надъ собою работаетъ и въ танцахъ подвинулась очень мало со времени своихъ дебютовъ. На этотъ разъ, вопреки обыкновению, г-жа Шапошникова не удостоилась даже и вызова. Очень ужъ незначителенъ отрывокъ, въ которомъ она участвовала, передающій никакаго понятія о цѣломъ балетѣ. Особенной похвалы заслуживаетъ г. Рейнзгаузенъ, игравшій Клода Фролло. Мы пользуемся случаемъ, чтобы сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ артистѣ, который по нашему мнѣнію недостаточно оцѣненъ публикой. Можно смѣло сказать, что это лучший мимикъ на нашей сценѣ. Игра его осмысленна и выразительна и онъ умѣетъ передать характеръ изображаемому лицу. А между тѣмъ это артистъ замѣчательный, серьезно, съ любовью относящійся къ своему дѣлу и отличающійся большимъ разнообразіемъ. Вотъ хоть бы въ бенефисъ г. Манохина, онъ явился въ трехъ роляхъ: Клода Фролло, Мефистофеля и Царя вудійскаго, и всѣ три роли были имъ переданы характеристично. Въ его игрѣ видно было знакомство съ тѣми литературными произведеніями, изъ которыхъ заимствованы и Мефистофель и Клодъ Фролло, а для балетнаго артиста, согласитесь, что это немало; и по нашему мнѣнію—выработать себѣ такую мимику, такой драматизмъ поважнѣе, нежели научиться легкимъ прыжкамъ и разнымъ гимнастическимъ штукамъ, въ родѣ вертѣнья на одной ногѣ. Мы помнимъ еще г. Рейнзгаузена въ балетѣ *Жизель*, гдѣ его игра производила также совсѣмъ небалетное впечатлѣніе. Г. Рейнзгаузенъ относительно мимики мы можемъ сравнить только съ незабвенной и незамѣтной г-жею Лебедевой, при которой даже отъявленные враги балета дѣлались балетоманами; такъ много она вносила въ балетъ драматизма, жизни, энергіи. Увы, эти блестящіе времена эстетическаго балета прошли, и балетъ нынче сдѣлался «разпохарактернымъ дивертисментомъ», какъ писали некогда на афишахъ. Дивертисментъ, ко-

нечно, можно также смотрѣть съ удовольствіемъ, но только не въ продолженіи пяти часовъ сряду. За *Эсмеральдой* слѣдовалъ актъ изъ *Фауста*, гдѣ танцевала г-жа Собошанская, артистка крайне добросовѣстная, исперестающая работать и совершенствоваться, но неотличающаяся способностью создать лицо. Въ *Фаустѣ* она также мало походила на Гретхенъ, какъ самый балетъ *Фаустъ* походилъ на великое созданіе Гете. Тутъ же явилась въ первый разъ передъ публикой дочь бенефицианта! Не смотря на рутинное классическое *pas de deux*, избранное для ея дебюта, молодая артистка эта обнаружила хорошія способности къ танцамъ, и если она останется на сценѣ, то можно надѣяться, что изъ нея выйдетъ недюжинная танцовщица. У ней много легкости, замѣтна чистота и отчетливость. Немногочисленная публика, собравшаяся на бенефисъ, приняла ее весьма радушно и вызвала вмѣстѣ съ ней отца ея, который былъ и ея учителемъ.

Въ *Дочери Фараона* по обыкновению была очень мила г-жа Карпакова 1-я. Роль Рыбачки едва-ли не лучшая изъ всего репертуара этой талантливой артистки. Нѣкоторые упрекаютъ ее за недостатокъ одушевленія, но здѣсь этотъ упрекъ положительно былъ бы неумѣстенъ. Что же касается до танцевъ собственно, то г-жа Карпакова 1-я, по нашему мнѣнію, далеко оставляетъ за собою всѣхъ другихъ солистокъ московской балетной сцены. Видно, что букеты и вызовы не вскружили ей головы и что она, не считывая на одну свою привлекательную наружность, продолжаетъ учиться, чему доказательствомъ служатъ значительные успѣхи, сдѣланные ею въ послѣднее время. Если бы мы обладали спеціальными свѣдѣніями гг. Пановскаго и Москвича, мы бы охотно распространились по поводу ея танцевъ о различныхъ элементарныхъ, *petites batteries*, *points* и *precisions*, но, къ сожалѣнію, сужденія наши о балетѣ основаны на простомъ непосредственномъ впечатлѣніи дилетанта и намъ ничего не остается прибавить къ сказанному нами, кромѣ того, что танцы г-жи Карпаковой 1-й доставляютъ намъ много удовольствія и что намъ особенно въ нихъ правится, независимо отъ искусства и силы,—это присущая имъ скромность, это цѣломудренная грація, которая въ соединеніи съ строгой, правильной красотой артистки производитъ весьма хорошее впечатлѣніе на каждаго, кто смотритъ въ балетѣ эстетическаго наслажденія, а ничего нибудь другаго... Вторая картина *Дочери Фараона*, гдѣ танцуютъ различныя рѣки и ручейки, не представляла на этотъ разъ для присяжныхъ балетомановъ прежней прелести... Г-жа Борегаръ уже не изображала китайской рѣки да и вообще рѣки всѣ были новыя и значительно похуже прежнихъ. Одна только г-жа Горохова 2-я (Москвичка), попрежнему, вызывала громкіе аплодисменты со стороны патриотовъ. Но и эта рѣка вѣроятно скоро исчезнетъ со сцены Большаго театра!

Когда мы сможемъ балетъ *Дочь Фараона*, пасть всегда удивляеться, какъ это г. Дьяченко, отовсюду черпающій

матеріалъ для своихъ піесъ, не сдѣлаетъ изъ него драмы! А какая бы вышла изъ него пелликоліиная драма, и какой сборъ она бы могла доставить дирекціи! Обставили бы ее, разумѣется, съ подобающимъ великолѣпіемъ, съ которымъ дирекція всегда обставляетъ произведенія своихъ любимыхъ драматурговъ. *Дочь Фараона* даже очень подходитъ къ средствамъ нашей драматической труппы. Мы уже мысленно распредѣлили роли въ будущей драмѣ и рекомендуемъ наше распредѣленіе вниманію г. Дьяченко. Фараона, разумѣется, возьметъ г. Самаринъ, такъ какъ Фараонъ—благородный отецъ, а г. Самаринъ перешелъ съ такимъ успѣхомъ на это амплуа. Г. Вплѣте, разумѣется, явился бы Таоромъ и поразилъ бы всѣхъ дамъ своей наружностью, къ которой костюмъ египтянина долженъ превосходно идти; г. Одетопъ игралъ бы его слугу; Аспичію, какъ и слѣдуетъ, г-жа Одетова; Царя пубійскаго... вотъ ужъ для царя нубійскаго я рѣшительно нахожу артиста. Онъ злодѣй, а это амплуа у насъ вакантно. Конечно, г. Шумскій иногда исправляетъ должность злодѣевъ, но не столь свѣршыхъ, а все больше въ родѣ Крещенскаго; Царь же пубійскій злодѣй перваго сорти; для этой роли г. Шумскій слѣшкомъ благодушенъ и скорѣй ужъ отдать его г-ну Живокши 2, который въ Малютѣ-Скуратовѣ, равно какъ и въ Битягопскомъ, обнаружилъ большую кровожадность. Ролъ обезьяны и льва могутъ занять тѣ же артисты, которые обыкновенно играютъ Розенкранца и Гильденштерна. Превосходно бы все это вышло! Рѣшительно, если г. Дьяченко не воспользуется нашей мыслью, мы переедемъ у него доходъ. Предупреждаемъ его, пускай не пеняетъ на насъ. Для большаго успѣха, мы даже попросимъ г. Тарновскаго написать намъ сценарій, занимствуя его изъ какой нибудь французской піесы, а увертюру и музыку антрактовъ, конечно не откажется написать г. Герберъ, это по его части. Вотъ ужъ ко второму балету г. Соколова онъ пишетъ музыку. Наша драма не будетъ же хуже этихъ балетовъ. Композиторъ можетъ даже повторить при этомъ случаѣ тотъ эффектный приемъ звукоподражанія, который встрѣчается въ музыкѣ къ *Послѣднему дню жатвы*; когда Таоръ засыпаетъ, почему же въ оркестрѣ не захрапѣтъ опять какому нибудь инструменту?

Что касается до *Послѣдняго дня жатвы*, происходившаго, какъ извѣстно, въ окрестностяхъ Франціи, то самый послѣдній французскій фарсъ въ сравненіи съ этимъ балетомъ тоже самое, что стихотвореніе Пушкина въ сравненіи съ какимъ нибудь пошлымъ, лакейскимъ романсомъ.

Нѣтъ, ужъ лучше вы, г. Соколовъ танцуйте съ легкостью резиннаго мячика, а сочинять балеты бросьте. Зачѣмъ? Вы не можете сочинять съ тою же легкостью, съ какою вы танцуете; нѣтъ даже и для сочиненія балетной программы пужна нѣкоторая фантазія.. А у васъ, можетъ быть, есть «элевація», а фантазіи положительно нѣтъ. Хотя васъ и называли «балетнымъ Вагнеромъ» но вы этому не вѣрите...

Насъ удивили два обстоятельства на бенефисѣ г.

Манохпна: во первыхъ, что никому не было поднесено ни одного букета, чего въ балетные спектакли положительно вкогда не бываетъ (это все видно г-жа Арто надѣлала!), и во вторыхъ, что на одной декорации постоянно дымилась труба какого-то домика, хотя на сценѣ наступила уже ночь и вся деревня давно спала крепкимъ сномъ, а въ оркестрѣ даже слышался храпъ....

Дилетантъ.

№ 10 ИТАЛЬЯНСКАГО АБОНЕМЕНТА.

Трубадуръ. оп. въ 4 дѣйствіяхъ (28 апрѣля.)

Составъ репертуара итальянской оперы въ текущемъ сезонѣ вельзя назвать удачнымъ. Послѣ посредственной и анти-драматической *Травіаты* публика была при-нуждена выслушать въ сотый разъ давно обетшавшаго и всѣмъ прискучившаго и на сценѣ, и въ гостевыхъ, и на шарманкахъ *Трубадура*, и только какой-то счастливымъ случай уберечь насъ отъ снотворной *Фаворитки*. Гдѣ искать объясненія этого страннаго непониманія вкусовъ и потребностей публики,—въ равнодушіи-ли ко всѣмъ подобнымъ мелочамъ или въ систематическомъ предпочтеніи, отдаваемомъ новѣйшей итальянской музыкѣ, постоянно выдвигаемой впередъ? Не мѣшало-бы помнить, что именно это обязательное насыщеніе публики операми Верди и Меркканти, эта вѣчная несмѣняемость опернаго репертуара главнѣйшимъ образомъ повредила предшествующей итальянской труппѣ. Подобнаго-же результата легко добиться и въ настоящее время; въ исполненіи *Трубадура* въ описываемый вечеръ соединены были всѣ условія, могущія способствовать полному охлажденію публики къ оперѣ; не говоря уже о самой оперѣ, вспомнимъ, что двѣ главнѣйшія въ ней роли были поручены артистамъ или лишенымъ во все голоса, или утратившимъ его въ теченіи чуть не полувѣковой сценической дѣятельности! Да благословляетъ судьбу тотъ, кто не былъ свидѣтелемъ и (еще ужаснѣе) слушателемъ всего, что происходило въ этотъ вечеръ. Пусть представитъ онъ себѣ систематическое, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, детопронаніе, цѣлыя каскады фальшивыхъ нотъ и руладъ, съ рѣдкимъ постоянствомъ раздражающихъ слухъ! Не только для тонкаго развитаго музыкальнаго чутья, но и для менѣе щекотливаго слуха массы трудно представить себѣ болѣе жестокое терзаніе. Г. Пардини, очевидно, когда-то пѣлъ очень недурно и отголоски былой манеры представлявъ намъ въ *Отелло*; сквозь крикливость и неясность многихъ фразъ можно было различить слѣды прежней силы и обработки голоса; но партія *Отелло* стала рутинной для артиста, онъ сжился съ нею и потому могъ довольно сносно передать ее даже подъ старость лѣтъ; партія-же Маприко, новая и по происхожденію и по характеру музыки, требовала новой работы, передъ которою артистъ оказался вполне безсильнымъ и, къ несчастью, въ этомъ тѣ безсильіи представилъ передъ нами. Публика въ началѣ смотрѣла на г. Пардини съ археологической точки зрѣнія; судя по

многимъ толкамъ, слышавшимся въ толпѣ, она расположена была цѣнить его исполненіе, потому что оно еще хорошо для его лѣтъ; она готова была забывать, что театръ не пивалдпый домъ, что въ немъ немислимо призраіііе давно отслужившихъ артистовъ, за бывое трудолюбіе и искусство, что это дѣлалось лишь пспоконъ вѣка только въ русской оперѣ съ чисто филантропическимъ цѣлемъ полученія пенсіи и т. д.: но въ *Трубадурѣ* пзчезло и это мягко сердечіе публики. Съ первой аріей, спѣтой за сценой Манрико «Deserto sulla terra» послышались фальшивыи звуки, напряженно вытягиваемые пзъ усталой груди; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе возрастало это неприяііое впечатлѣніе и вскорѣ пѣнію г. Пардини стало вторить чуть не унисономъ громкое шиканье. Но въ тенорѣ di forza слышалось хотя въ речитативахъ нѣсколько чистыхъ и толково взятыхъ нотъ; тогда какъ г-жа Ферлеззи, не браншаяся доселѣ на нашей сценѣ ни за какую сколько нибудь самостоятельную роль, пъ роли Азучены явилась п плохой пѣвицей и посредственной актрисой. Собственно говоря, слово *пѣвица* не можетъ быть по справедливости приложено къ г-жѣ Ферлеззи; у нея голоса на столько, чтобы пѣть куплеты въ водевиляхъ или опереткахъ, но никто не стапелъ водевильнаго актера, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, считать способнымъ съ честью совладать съ большою оперною партією. Для г-жи Ферлеззи роль Азучены была не по силамъ; липонный гибкости голосъ не повиновался при передачѣ фигурныхъ затѣй этой мелодраматической партіи, быстрый темпъ въ *morceaux d'ensemble* часто заставлялъ пѣвицу врасплохъ, такъ что она торопливо стремилась за помощью къ средствамъ наименѣе музыкальнымъ и въ аріи «*Giorgi p'averi vivea*» послышался такой пронзительный крикъ, что немедленнымъ отголоскомъ ему послужило общее, еднородное шиканье. Какъ ни жалко бываетъ артиста, когда его постигнетъ безпощадная кара публики но въ данномъ случаѣ противъ г. Пардини и г-жи Ферлеззи говорить рѣшимость выступить передъ публикой въ роляхъ педоступныхъ ихъ средствамъ. Г-жа Ферлеззи вдобавокъ была весьма неискусно гримирована и до того моложава и быстра пъ движеніяхъ, что не было никакой возможности попприть, что Манрико сынъ такой молодой женщины. — Тягость впечатлѣній, производимаго столь неудачнымъ исполненіемъ двухъ главныхъ ролей, до пзвѣстной степени сглаживалась пѣніемъ и игрой г-жи Арто и гг. Падилла и Босси. Г-жа Арто, насколько дарованіе ея успѣло обнаружиться для насъ доселѣ, не обладаетъ драгоценнымъ свойствомъ, присущимъ всѣмъ истинно-великимъ пѣвицамъ, — той оливачковостью уровня пъ передачѣ всѣхъ ролей своего репертуара, которая придаетъ имъ совершенно равное художественное достоинство. *Фаустъ* и *Дочь полка* показывали два цѣльныхъ живыхъ, пзполнѣвшихъ своеобразныхъ характера; въ *Отелло* и *Травиатѣ* бросались въ глаза уже отдѣльныя частности, отдѣльные акты или даже сцены; пъ *Трубадурѣ* повторялось тоже самое и, что еще грустнѣе, въ пѣніи проглядывало какое-то

laisser aller, увѣреппое въ непзмѣппомъ сочувствіи публики; такъ; напр., первая-же арія «*U tale amore*», какъ ни схожа она съ простымъ учебнымъ сольфеджіо, вмѣсто кокетливаго, тонко-граціознаго исполненія, была спѣта далеко небезукоризненно, даже со стороны чисто технического; заключительныи трели были даже нѣсколько грубоваты и въ немногихъ нотахъ глоссъ поражалъ страшной рѣзкостью; последнее, впрочемъ, можетъ быть и слѣдствіемъ вреднаго вліянія климата. За то въ нѣсколькихъ сценахъ, какъ напр. въ сценѣ во время *Miserere*, г-жа Арто снова явилась въ спомъ настоящимъ величіемъ; ея глубоко обдуманная игра придавала новый смыслъ дѣйствию; не оставался непзмѣнно передъ рампой въ теченіи пѣнія въ монастырѣ и отпущка Манрико, — какъ то дѣлала большая часть примадоннъ, — г-жа Арто изпписала каждымъ движеніемъ, каждымъ жестомъ и дрожаніемъ голоса трагизмъ своего положенія. Услышавъ знакомый голосъ, Леонора стремительно бросается къ дверямъ темницы, пытается открыть ихъ; съ ужасомъ отпрянула она, най я ихъ твердо запертымъ, закрытымъ отъ нея навсегда, по этотъ ужасъ минутный, она снова възабытъ падается къ двери и тутъ только, появивъ всю истину, безъ чувствъ прислоняется къ стѣпѣ съ выраженіемъ пѣмага отчаянія на лицѣ. — Сцена канчена, публика рукоплещетъ и страдающую Леонору не только выходитъ изъ-за кулпсъ, но дожидается прибытія и Манрико, который отворяетъ заповѣдную дверь, разшаркивается и входитъ снова въ свою тюрьму. . Пора бы осмысливать во всякомъ случаѣ непполнѣ умѣстные вызовы среди піесъ; имп довельзя портится всякое сколько нибудь живое и потрясающее положеніе, всякая драматическая минута; недавно въ *Отелло* заставили Дездемону, удаляющуюся на спротивное ложе въ страшную, послѣднюю ночь раскрыть пологъ и откидываться публичнѣ; теперь Манрико съ тою-же цѣлью разверзаетъ даже свой тяжкій узъ; скоро мы дойдемъ до того, что будемъ прерывать пзображеніе предсмертнаго часа или пыллага объясненія въ любви, чтобы заставить артиста, по окончаніи апплодисментовъ, оканчивать агонію или продолжать прерванпос призрапіе. До этого уже не далеко — Г. Падилла передалъ весьма недурно характеръ графа Лупа и своей оживленной, страстной игрой заслужилъ спльныи рукоплесканія. — Хоры были весьма плохи въ особенности открывающій собою второй актъ цыганскій хоръ «*Vedi la farsche notturne*» съ аккомпаниментомъ (имѣющимъ большія претензіи на эффектъ) ударовъ нѣсколькихъ молотовъ по наковальнямъ; хоръ этотъ прошелъ очень неровно, несмотря на то, что *Трубадурѣ* больше десяти лѣтъ держится на московской сценѣ.

Познакомлецъ.

БЕНЕФИЦЪ Г-ЖИ АРТО.

Севицскій цирюльникъ, онъ въ 3 двѣстѣ лѣтъ (30 апрѣля.)

Фуроръ въ полномъ разгарѣ, стоятъ стоятъ отъ рукоплесканій и громкихъ выраженій сочувствія, на

сцену летятъ десятками дорогіе букеты, поносятся нѣсколько тысячами подарковъ,—словомъ всеобщее волнующее и ошарашивающее торжество! Оно теперь миновало, и намъ легко отдать себѣ отчетъ въ настоящемъ значеніи его, причинахъ и слѣдствіяхъ. Въ столицу пріѣзжаетъ прекрасная пѣвица, но не пѣз члска величайшихъ свѣтлхъ музыкальнаго міра, поетъ и вокализируетъ безукоризненно, но создаетъ вполнѣ художественно лишь два характера, представляя въ перелачѣ остальныхъ много неровностей, или ограничиваясь одною виртуозною стороною дѣла. Естественно, что подобная пѣвица смѣло можетъ рассчитывать на привѣтливый пріемъ, на рукоплесканія, пожалуй, даже на какойнибудь вещественный знакъ сочувствія,—и только Постороннему наблюдателю трудно было-бы повѣрить, что вмѣсто подобныхъ, весьма искреннихъ привѣтствій, эта пѣвица сдѣлалась предметомъ восторженнѣйшихъ оваций, какія не часто доставались на долю даже замѣчательнѣйшимъ сценическимъ талантамъ (Послѣ восторженныхъ проводовъ Ристорп, послѣ необозримой массы народа, бѣжавшей съ криками *Evviva* за ея каретой, мы не помнимъ ничего похожаго на овацию, оказанную г-жѣ Арто). Нѣтъ-ли въ этой лихорадочной поспѣшности выказывать безграничное благоговѣніе передъ талантомъ чего то еще простодушно-недоразвитаго, чего то смахивающаго на пѣлпніи восторговъ провинціальной публики, ошарашивающей, какъ бы не подумали заѣзжіе иностранцы, что русскіе, *ses barbares*, не умѣютъ цѣнить искусство; а на это дѣйствительно крайне походила первоначальная мысль организаторовъ демонстраціи 30-го апрѣля, къ счастью оставленная ввремя; этотъ серебряный калачъ, начиненный подулпперіалами, изображалъ-бы насъ именно тѣми боярами, которые пригоршнями золотыхъ *рублей* выражаютъ всѣ свои жгущія ощущенія, представляя-сы въ поддѣльныхъ краскахъ именно то разливное море *рублей*, о которомъ теперь такая-же мода печатно говорить въ Европѣ, какъ недавно было модой передавать другъ другу рассказы о прогулкахъ медвѣдей по нашимъ улицамъ.—24 букета, насчитанные ввремя первой сцены, даже до исполненія пѣвицей какой-либо аріи, столько-же послѣдствіи, букетъ—монстръ съ воткнутой въ него золотой бабочкой, осыпанный драгоценными камнями, браслеты, тарелка севрскаго фарфора, серебряный сервизъ, новые букеты, вѣточныя корзины и т. д. до безконечности,—и все это въ ту пору, когда десятки тысячъ кровныхъ нашихъ братьевъ страдаютъ отъ лютаго голода, когда сердце облипается кровью при взглядѣ на отталкивающее, ужасное вещество, которымъ они прннуждены питаться!

Г-жу Арто нельзя строго отнести къ числу лучшихъ современныхъ Розинъ; для этой роли у нея не доставало веселой, шаловливой рѣзвости, которая пропала-бы весь этотъ симпатичный характеръ; были сцены, какъ напр. дуэтъ «*Quand je son*», когда исполнение и игра доходили до црха совершенства; по перпал и издавна

знаменитая арія «*Une rose*» могла-бы быть свѣта гораздо лучше; отъ смущенія ли, отъ простуды или отъ утомленія вслѣдствіе быстрого теченія сезона, который весь лежалъ на плечахъ одной примадонны,—только мы не узнавали г-жи Арто, такъ рѣзко и граціозно передавшей роль Маріи въ *Дочери полка*, не узнавали и ея пѣвческаго мастерства. Колоратуры не отличали большого вкуса, къ чему насъ не приучила талантливая пѣвица; многія высшія всты, какъ это мы уже замѣтили въ *Трубадурѣ*, поражали своей рѣзкостью. Всего удачнѣе исполнила г-жа Арто два русскихъ романса Дагомыжскаго и Глинки, оркестровые г. Чайковскимъ. Романсъ Глинки *Жаворонокъ* былъ свѣтъ съ рѣдкимъ совершенствомъ, безъ сомнѣнія удовлетворившимъ-бы автора; впрочемъ на заключительное звукоподражаніе можно-бы было положить краски нѣсколько мягче и отнять у него отчасти виртуозный характеръ.—Г-жа Арто прекрасно выговариваетъ по русски—Въ заключеніе она исполнила неотвязчивый вальсъ и *Еасіо*; свѣтъ онъ былъ прекрасно, но для насъ удивительно только, что не найдено еще средства вытравить пѣз опернаго и концертнаго репертуара эту рѣдкую пошлость.—Роль Альмавивы беззавѣтно пропала въ исполненіи г. Пардиан, котораго снова встрѣтило безжалостное шиканье, ради котораго намъ не предстоитъ надобности распространяться далѣе.—Г. Паднла былъ очень развязенъ и оживленъ въ роли Фигаро; позволяя себѣ иногда ступешивать нѣсколько затруднительныя для него подробности музыкальной фразы; онъ восполнялъ этотъ недостатокъ живымъ воплощеніемъ въ нрѣ роднаго ему псапскаго народнаго типа; костюмъ его также отличался фотографической вѣрностью дѣйствительности, что рѣдко соблюдается исполнителями этой роли. Г. Босп, хотя далеко не *basso-buffo*, съ честью совладалъ съ ролью Бартоло; его замѣчательно отчетливая дикція и боікая игра заставляла забыть отсутствіе гибкости голоса; жаль, впрочемъ, что пѣз за этого отсутствія прекрасная арія Бартоло «*L'un dottore della mia sorte*» была замѣнена, какъ это часто дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, поднѣлшей, не руссннвской вставкой. Г. Финочки исполнилъ свою арію «*La calupnie*», съ такимъ-же уснѣхомъ, какъ и въ вчлній сеновъ, въ бенеттѣ г. Раппорта; старательно-усвоенная рѣтина въ исполненіи этой классической партіи была награждена дружными рукоплесканіями. Марчеллину пѣла г-жа Анненская, и ей (послѣ г-жи Арто) гикже хлопали, хотя подлежатъ сомнѣнію, многіе ли слышали, что она пѣла.

Незнакомецъ.

ПО ПОВОДУ ЗАКЛАДКИ ЧЕШСКАГО НАРОДНАГО ТЕАТРА.

Вчера, 4 мая, въ чешской Прагѣ должна была совершиться закладка народнаго театра. Событіе это, давно ожидаемое, въ послѣднее время сильно занимало умы не однихъ чеховъ, всѣ славянскія земли въ Австріи

сочувственно относились къ предпріятію народной чешской партіи и не только добрымъ пожеланіями, но и деньгами содѣйствовали основанію славянскаго театра, который предназначень къ поддержанію народнаго самосознанія. Чехи, моравяне и словаки, ближайшія между собою вѣтви одного общаго чешскаго племени, соединенные общою судьбою подъ властію Габсбурговъ, смотря на свой театръ тѣмъ глубокимъ, серьезнымъ и упователнымъ взоромъ, какой приличенъ учрежденію, неразрывно связанному съ священнѣйшими правами народа. Надо сознаться, что нѣзъ всѣхъ славянскихъ племенъ, не исключая и русскаго, чехи наиболѣе отличаются здравымъ политическимъ смысломъ и умѣньемъ дѣйствовать среди постоянно враждебныхъ имъ обстоятельствъ. Вся тысячелѣтняя жизнь чешскаго народа прошла среди неумолкаемой борьбы съ напоромъ нѣмецкой стихіи. Вдавшись въ самую глубь середниной Европы, какъ передовой бастионъ славянскаго населенія, Чехія или Богемія еще съ 9 вѣка служила предметомъ посягательствъ нѣмецкой народности и первая стойко и искусно выносила ея удары. Въ 9-мъ вѣкѣ Чехія съ своимъ княземъ Борнвиемъ приняла христіанство отъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, одновременно съ Моравією, гдѣ княжилъ тогда пзвѣстный Ростиславъ, на зовъ котораго пришли въ Паннонію изъ Болгаріи славянскіе первоучители. При племянникѣ послѣдняго, Спитополкѣ, Чехія съ своимъ княземъ входила въ составъ великой Паннонской державы, обнимавшей Паннонію, Моравію, старую Хорватію съ городомъ Краковомъ, Силезію и Сербію, или пынѣшній Лазуицъ по самый Магдебургъ. Урало-финское племя мадьяровъ, степные кочевники, призванные нѣмцами, разрушили эту державу. Черезъ столѣтіе Чехія снова является славнымъ и обширнымъ государствомъ подъ властію Болеслава II, котораго владѣнія простирались отъ Ваваріи по Дунай на югъ, по р. Пиллицу (впад. въ Вислу) на сѣверъ, Бугъ и Днѣстръ на востокъ, гдѣ соприкасались съ великимъ княжествомъ Кіевскимъ. Съ тѣхъ поръ Чехія съ своими королями изъ туземнаго рода Премысловцевъ не переставала внутренне расти и крѣпнуть. Весь строй ея жизни былъ чисто славянской. Эта внутренняя самородная сила воспитала въ чехахъ тотъ воинственный духъ, который цѣлые вѣка боролся съ козями, домогательствами и враждою нѣмецкихъ императоровъ, поддержанныхъ князьями и рыцарствомъ цѣлой имперіи. Горсть народа, закаленного въ бояхъ дала отпоръ многочисленнымъ ратямъ сбродныхъ нѣмецкихъ вассаловъ. И послѣ Премысловцевъ, при Карлѣ Люксембургскомъ (онъ же императоръ Карлъ IV), Чехія являлась ядромъ Священной Римской Имперіи въ XIV вѣкѣ. Прага стала резиденцією императора, университетъ ея первенствовалъ, искусства и ремесла процвѣтали; рыцари чешскіе славились по всей Европѣ. Когда отецъ Карла, слѣпой король Янъ, союзникъ французскаго короля Филиппа, въ битвѣ при Креси, велѣлъ коня своего припязать къ конямъ друхъ чешскихъ рыцарей и съ 50 другими рыцарями врубился въ среднюю

англичанъ съ крикомъ «Прага! Прага!» и палъ мертвымъ, а за нимъ пали и всѣ рыцари; тогда англійскій король Эдуардъ со слезами пропизнесъ: «Сегодня палъ вѣнецъ рыцарства, не было и не будетъ на свѣтѣ рыцарей, подобныхъ королю чешскому и его дружинѣ.» Въ Европѣ сложилась даже поговорка: «Безъ Бога и короля чешскаго ничего не подѣлаешь». Правда, много уже нѣмецкаго вторглось и незаметно водворилось въ чехахъ, но чехи крѣпко стояли за свой языкъ и обычаи своей земли. Это былъ вѣкъ блеска и славы чешской земли, которая склоняла на свои вѣсы судьбы цѣлой имперіи. Въ религіозномъ отношеніи ни одинъ народъ не хранилъ въ себѣ столько свободы совѣсти, сколько чехи. Смена православнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, брошенная на тѣсную почву благословенною рукою Меѳодія, не заглохла въ чехахъ, не смотря на главенство папы, и не смотря на то, что чехи долгое время не имѣли своего архіепископа, оставаясь въ вѣдѣніи архіепископовъ мильнскихъ. Богослуженіе на славянскомъ языкѣ и причащеніе подъ обоими видами хотя и исчезли съ теченіемъ времени, но никогда чехи не считали ихъ несовмѣстными съ римско-католическимъ вѣроисповѣданіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стремленія римскаго двора имѣть въ чешскихъ епископахъ, а потомъ архіепископахъ вѣрныхъ себѣ слугъ, къ порабощенію ума и воли народа въ пользу латинства и папы, также какъ успѣхи нѣмецкихъ императоровъ при Премысловцахъ установить свою государственную власть надъ королевствомъ чешскимъ, не находили въ чехахъ добровольнаго и послушнаго признанія, но всегда встрѣчали самоубытность и независимость какъ въ умственной, такъ и политической жизни. Эта тайная и явная борьба въ продолженіи 6 вѣковъ заключаетъ въ себѣ много драматическаго, она послужила къ проявленію такихъ личностей, къ совершенію такихъ подвиговъ, которые и теперь способны возбудить истинныхъ чеховъ къ продолженію борьбы. XV и XVI вѣка показали передъ цѣлою Европою, какъ могучъ былъ чешскій народъ и какъ сильно было его умственное и нравственное развитіе. Чехъ Янъ Гусъ возсталъ противъ непопріимости папы и всѣхъ злоупотребленій римской церкви; въ основу своего ученія онъ поставилъ догматы причащенія подъ обоими видами и какъ непремѣнное условіе религіознаго просвѣщенія народа провозгласилъ проповѣданіе слова Божія, совершеніе богослуженія и чтеніе св. писанія на родномъ языкѣ. Поднялась страшная буря. Гусъ былъ сожженъ, но въ Европѣ уже раздалась религіозная брань и не смогла до тѣхъ поръ, пока Лютеръ, преемникъ Гуса въ дѣлѣ реформации, и его послѣдніе послѣдователи не отвоевали себѣ половины Европы для спокойнаго исповѣданія вѣры по свободному убѣжденію совѣсти. Гусъ, Жижка, Проконіи Голый, какъ исполнены; возстаютъ среди чешской земли, олицетвѣнители духовной свободы, пскупляющій смертію свое предвозвѣстіе лучшихъ днѣй для порабощенной и смущенной совѣсти поклонниковъ Рима и папы; другіе да бойцы народной вѣры и свободы, далеко и шд-

роко гремящіе славою своего оружія, безстрашные передъ войскамъ нѣмецкихъ державниковъ, и приводящіе въ страхъ и трепетъ враговъ чешской земли и самого главу Священной Римской Имперіи. Но ошибка была уже сдѣлана. Чехи, по примѣру многихъ другихъ областей, увлеклись династическимъ духомъ: по прекращеніи рода своихъ Премысловцевъ, они не могли помприть честолюбіе, вражду и соперничество своихъ пановъ съ благомъ отечества, лено требовавшимъ, чтобы королевскій вѣнецъ былъ на главѣ одного изъ славныхъ туземныхъ родовъ, кикихъ было не мало въ то время. Не имѣя понятія о представительствѣ народномъ въ управленіи страной, чехи, по примѣру современниковъ, ограничивались правомъ избранія и призванія постороннихъ лицъ, принадлежащихъ къ царствующимъ домамъ. Послѣ нѣсколькихъ двѣнадцатыхъ перемѣлъ, судьба навела ихъ на домъ Габсбурговъ. Главное въ то время настроеніе умовъ было религіозное. Ученіе, заповѣданное Гусомъ, и догматы причащенія подъ обоими видами, признанный для чеховъ самымъ папою, послужилъ залогомъ сближенія съ быстро распространявшимся тогда ученіемъ Лютера. Чехи привлекли сторону Фридриха Пфальцкаго противъ императора Фердинанда. Но на этотъ разъ тѣсная связь съ нѣмцами сгубила Чеховъ. Въ 1620 году Фердинандъ поразилъ своихъ противниковъ на Бѣлѣй горѣ, и Чехія пала. Большая часть правъ чешской короны была отнята и чехи стали подданными римскихъ, а потомъ австрійскихъ императоровъ. Съ XVI вѣка по сіе время идетъ политическая борьба, въ которой чехи, повергнутые въ страдательное положеніе, напругаютъ все успія, чтобы охранить свою народность, свои земли, свои мѣстные права отъ притязаній нѣмецкой стихіи, поддерживаемой и ободряемой нѣмецкимъ рынкомъ, сидящимъ на престолѣ Австріи въ лицѣ Лотарингскаго дома. Легко понять всю трудность этой борьбы, происходившей подъ давленіемъ власти. Вся система государственнаго устройства и переустройства и въ томъ числѣ дуализмъ г. Бейста не только вредны Чехіи и другимъ славянскимъ землямъ въ Австріи, но и противны кореннымъ ихъ правамъ, на основаніи которыхъ они признавали падъ собоюлчнзю властѣ Габсбурговъ. Намѣстники чешскіе распорядились всегда въ отрывъ народа; страна занята постоянно иноплеменими войскамъ; водвореніе нѣмцевъ и онемеченіе чеховъ поддерживаются правительствомъ; за оффиціальныи языкъ въ школахъ съ правительствомъ првпята нѣмецкій языкъ; значеніе земскихъ сеймовъ унпжело и ослаблено; господствующею религіею признава римско-католическая; должностныя мѣста наводнены иноземными чиновниками. Переходя къ театру, о которомъ мы завели рѣчь вначалѣ, мы видимъ, что нѣмецкая стихія вторгается даже въ мелочныя проявленія обществія. Театръ былъ построенъ на зѣмскія деньги; но, по распоряженію высшей власти, въ немъ водворены были нѣмцы: а для Чеховъ предоставляемы только два дня въ недѣлю и притомъ представленія чешской труппы должны были начинаться

съ 5 и оканчиваться никакъ не позже 7 часовъ, т. е. имъ удѣлено было обѣденное время, когда посѣщать театръ наименѣе удобно. И въ пастолшую минуту чехи борются противъ продажъ коронныхъ или государственныхъ имуществъ своей земли, на которыя Габсбурги уже не разъ налагали руку ради увеличенія доходовъ въ пользу всей Имперіи, и противъ неподатной подали, которая опять предназначается на общеперскіе расходы. Средъ этой борьбы, основаніе исклнчнтельво чешскаго или славянскаго театра есть такое событіе, на которое нельзя смотрѣть съ одной художественной стороны, но которое должно имѣть еще большее политическое значеніе. И не даромъ чехи кладутъ въ основаніе храма искусства камни, съ которыми соединено воспоминаніе о началѣ чешской земли и о славныхъ подвигахъ Жижки; не даромъ щедрая рука чешскаго народа и его соплеменниковъ доставила средства къ сооруженію величественнаго зданія, куда не должна вторгаться никакая иноземная стихія, но гдѣ на благородныхъ и почетныхъ подмосткахъ должны воспрянуть оживленные историческія воспоминанія, которыми по справедливости должны гордиться чехи. Не въ однихъ бойцахъ, одѣтыхъ въ стальную броню и съ тяжелымъ мечемъ въ рукѣ, чехи найдутъ себѣ достойные подражанія образцы: это еще не главное. Вивѣе по ихъ политическому положенію ихъ духовные бойцы за родину и народъ; важна та несокрушимая нравственная сила, которая двигала и тѣхъ и другихъ къ отпору противъ иноземщины и успѣхъ которой, какъ пугало, мещется австрійскому правительству и вѣмцамъ. Не забудемъ, что возникающій чешскій народный театръ и значенъ къ возбужденію и поддержанію народнаго самосознанія, которое, возникнувъ у всѣхъ славянъ въ концѣ прошлаго столѣтія, созрѣло уже на столько, что изъ отдѣльнаго и туземнаго у каждаго отдѣльнаго славянскаго народа дошло до единства и общности всеславянскаго племеннаго сознанія. Отсюда развитіе того или другаго славянскаго народа возможно лишь въ общеславянскомъ смыслѣ. Единеніе мысли и чувствъ— вотъ результатъ, который блестящимъ образомъ подтвердила московская этнографическая выставка. Многочисленныя пожертвованія, поздравленія, депутаціи и пожеланія, которымъ должно сопровождаться отъ всего славянства основаніе чешскаго народнаго театра, свидѣтельствуютъ, что славяне усвоили себѣ этотъ результатъ и твердо намѣрены идти по единствъному спасительному пути, который указало имъ общеславянское сознаніе. Московское общество не осталось безмолвнымъ къ этому замечательному событію. Славянской компететъ, Артистическій Кругъ, Общество Любителей Россійской словесности, редакціи многихъ газетъ, въ томъ числѣ и *Антракта*, послали чехамъ привѣтственные адреса. Сверхъ того первый предоставилъ чешскому театральному комитету 1000 рублѣй для выдачи имъ въпрѣмъ за лучшее драматическое сочиненіе по исторіи славянъ вообще и въ особенности чеховъ, а общество—любителей Россійской словесности устро-

ило сегодня публичное засѣданіе, гдѣ будутъ читаться сочиненія Писемскаго, гр. Л. Н. Толстаго и выставлены будутъ рисунки проэктированнаго здапія чешскаго театра. Во всякомъ успѣхѣ славянской народности, гдѣ бы онъ ни былъ, мы должны видѣть успѣхъ всего славянства, а слѣдовательно и нашъ собственный успѣхъ. Поэтому мы увѣрены, что читатели наши, какъ русскіе, сочувственно встрѣтятъ основаніе пароднаго театра въ Чешской Прагѣ.

А. М.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Живя въ глуши, я издавна привыкъ видѣть въ высоко чтимой мною газетѣ, въ старославянскихъ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, пенсчерпаемый петочникъ новостей, всегда свѣжыхъ и животрепещущихъ, составляющихъ для меня истинную отраду въ моемъ уединеніи. — Съ особеннымъ удовольствіемъ читаю я всегда статьи почтеннаго артиста музыкальной критики нашей, господина Паповскаго; всегда найдешь въ нихъ много новыхъ, своихъ взглядовъ, много фактовъ, мѣтко подобранныхъ въ водоворотѣ музыкально-театральной жизни. Но, представьте себѣ, какой вышелъ случай: читаю я статью сего любимаго моего писателя о концертѣ славянскихъ пѣвцовъ (справьтесь въ № 87 Моск. Вѣд.) и удивляюсь знанью славянской музыки, которое не подозревалъ въ г. Пановскомъ; но вдругъ овладѣло мною невольное раздумье, стало мнѣ казаться, что все это я ужъ гдѣ-то читалъ; согрѣшилъ, навелъ справки, и что-бы вы думали, открылъ я? Поразительное сходство многихъ мыслей съ высказанными два года тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ статьѣ г. Веселовскаго *Музыка у Славянъ*. Вотъ посмотрите:

Руск. Вѣст. 1866 г. № 4.

Моск. Вѣдом. 1868 г. № 87.

Достоинство славянскихъ мелодій признано давно, и онѣ не разъ вдохновляли собой величайшихъ композиторовъ. Русскіе мотивы служатъ основой въ квартетахъ Бетховена, слышались въ финалѣ русинскаго Ци-рюльнича; чешскіе пѣсни вошли въ Моцарта; въ квартетахъ Гайдона встрѣчаются словацкіе мотивы, а въ двухъ пѣсняхъ венгерскихъ С.ювановъ вошли въ квартеты Гайдона... ола изъ любимыхъ чешскихъ пѣсенъ «Ного, ного, ного, чинolia jsi» встрѣчается въ концертѣ Бетховена для скрипки съ оркестромъ; польскія пѣсни... вратилась подъ вербонъ Россини въ прелестную музыку *Блатоеловейн* бѣлой пѣсни въ первомъ актѣ *Моисей*... (стр. 409).

Достоинство славянскихъ мелодій давно уже признано въ музыкальномъ мірѣ; многіе изъ знаменитыхъ композиторовъ вводили славянскіе мотивы въ свои сочиненія: чешскія мелодіи слышны мы въ *Донъ-Жуанѣ* Моцарта; въ квартетахъ Гайдона встрѣчаются словацкіе мотивы, а въ двухъ концертѣ для скрипки введенъ мотивъ чешской пѣсни: Ного, ного, чинolia jsi; у Россини финалъ оперы *Моисей* построенъ на польской мелодіи, а въ финалѣ *Севильскаго цирюльника* слышна русская пѣсня.

Кромѣ того любопытныя свѣденія о пѣвческихъ обществахъ въ Харватин, Лужицѣ, Чехіи и т. д. можно отыскать въ той-же статьѣ № 4 *Русскаго Вѣстника* за 1866 г., на страницахъ 411, 412, 443. Войдите въ мое положеніе, объясните мнѣ, что значитъ вся эта исторія и что случилось съ достоуважаемымъ мною г. Пановскимъ, пустившимся въ такіе перепѣвы съ чужаго голоса?

Читатель *Московскихъ Вѣдомостей*.

С М Ъ С Ъ.

Г. начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати увѣдомилъ С.-петербургскаго оберъ-полпцмейстера, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу товарища министра императорскаго двора, высочайше повелѣть соизволилъ: содержаніе театральной типографіи въ С.-Петербургѣ и право печатанія афишъ о спектакляхъ, концертахъ, маскарадахъ и всякаго рода представленійхъ, а также объявленій о публичныхъ увеселеніяхъ и зрѣлищахъ, утвердить за купцомъ Мавриіомъ Осиповичемъ Вольфомъ, съ 1-го будущаго іюня, впродъ на пять лѣтъ. Генераль-Адъютантъ графъ Адлербергъ 2-й, сообщая о такомъ высочайшемъ повелѣніи министру внутреннихъ дѣлъ, объяснилъ: 1) что изданіе театральныхъ афишъ и печатаніе вообще объявленій о публичныхъ увеселеніяхъ и зрѣлищахъ (за исключеніемъ объявленій о представленіяхъ на масляной и святой недѣляхъ, печатаемыхъ съ утвержденія оберъ-полпцмейстера, съ 1-го будущаго іюня перенесется въ типографію Стелловскаго въ типографію Вольфа, и 2) что изданіе сихъ афишъ и объявленій будетъ производимо, по прежнему порядку, на основаніи высочайшихъ повелѣній 1804 и 1857 годовъ, подъ наблюденіемъ дирекціи императорскихъ театровъ.

Въ послѣдней (5-й) книжкѣ журнала *Вѣстникъ Европы*, напечатана новая піеса автора *Смерти Іоанна Грознаго*, графа А. К. Толстаго, *Царь Федоръ Іоанновичъ*, трагедія въ 5 дѣйствійхъ.

Дебютировавшая нынѣшнею зимою на нашей сценѣ, г-жа Левина, поступила въ число актрисъ московскаго театра.

Въ *Антрактѣ* нынѣшняго года не разъ было говорено объ обновляющейся дѣятельности московскаго Артистическаго Кружка. Прибавимъ еще пріятное извѣстіе. При Кружкѣ образовалось общество любителей музыки, имѣющее свои собранія и репетиціи въ Кружкѣ и уже успѣвшее составить полный, довольно большой и хорошій оркестръ, играющій въ спектакляхъ и вечерахъ Кружка. Оркестромъ дирижируетъ г. Герберъ. Мы слышали также, что при Кружкѣ думается образоваться пѣвческое общество, объ устройствѣ котораго особенно хлопочетъ г. Кашперовъ. Отъ души желаемъ успѣха обоимъ этимъ полезнымъ начинаніямъ.

22 апрѣля, въ третьемъ актѣ шедшаго въ зтотъ день на Большомъ театрѣ балета *Напоротникъ*, одна изъ танцовавшихъ въ числѣ минераловъ экстерная воспитанница Бубова, отступая назадъ въ исполняемомъ ею вмѣстѣ съ другими танцѣ, упала въ локъ, раскрытый для появленія Короля кладовыхъ духовъ, при чемъ, говорятъ, ушибла себѣ голову и спину. Въ томъ же балетѣ, въ концѣ 2-го акта, доска, на которой Геній напоротника со Степаномъ спускается въ подземное царство, т. е. просто въ подценье—затрещала, почему г. Соколовъ, изображавшій Степана, соскочилъ съ нея. Такимъ образомъ равновѣсіе было нарушено и замѣнявшая при этомъ спускѣ

г-жу Собошанскую (двойникъ, какъ называется на театральномъ языкѣ личиость, подставляемая въ нѣкоторыхъ, преимущественно болѣе или менѣе опасныхъ мѣстахъ пѣсы для замѣны глазнаго дѣйствующаго лица) экстерная воспитанница Менская тоже получила ушибъ. Въ настоящее время здоровье этихъ воспитанницъ, какъ мы слышали, въ опасности.

23 апрѣля мы были въ спектаклѣ, устроенномъ въ театрѣ г. Секретарева, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. *Антрактъ* весьма рѣдко говоритъ о любительскихъ благотворительныхъ спектакляхъ, какъ по недостатку мѣста, такъ и особенно потому, что не придаетъ особаго значенія для искусства большей части подобныхъ спектаклей, но на этотъ разъ онъ долгомъ представляетъ замѣтить о хорошей игрѣ г-жи Гемельявъ-Тресановой въ роли Любаши (въ *Царской невестѣ* Мея), входящей въ рядъ обыкновенной игры любителей въ драматическихъ роляхъ. Игра г-жи Гемельявъ-Тресановой была тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ окружающихъ ее другихъ исполнителяхъ, кромѣ г-жи Саловой (которая играла роль Марш и, какъ опытная провинціальная актриса, была бы недурна, еслибы игра ея не портила ея произношеніе и выговоръ) она не встрѣчала поддержки.

25 апрѣля, какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости* въ домашнемъ театрѣ г. Секретарева, въ пользу жителей пострадавшихъ отъ неурожая, подольскимъ обществомъ любителей драматическаго искусства, съ участіемъ артистовъ императорскихъ московскихъ театровъ, г-жи Оноре, былъ данъ спектакль; собрано 508 руб. Сколько мы помнимъ, это первый случай, когда провинціальныя любители пріѣзжали въ Москву давать домашній спектакль.

Въ газетѣ «Голосъ» сообщаютъ весьма интересную для любителей балета новость. На будущій сезонъ ангажирована на петербургскую сцену извѣстная танцовщица *Генриетта Доръ*. Она будетъ танцовать въ петербургѣ до пріѣзда г-жи Гранцевой, а потомъ, можетъ быть, отправится въ Москву. За три мѣсяца театральная дирекція предложила г-жѣ Доръ 10,000 франковъ и беафпсъ. Доръ—французская уроженка, дочь бывшаго пераго танцовщика императорскаго опернаго театра въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ котораго она и стала впервые изучать танцевальное искусство. Мать ея, г-жа Danse (не псевдонимъ), была также очень хорошей танцовщицей и долгое время подвизалась въ Вѣнѣ. Генриетта Доръ танцевала съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ, Миланѣ, Лисабонѣ и Берлинѣ; въ настоящее время она отличается на сценѣ Ковент-гарденскаго театра въ Лондонѣ. Иностранныя газеты отзываются о ней съ большою похвалою, какъ о первоклассной артисткѣ, одаренной въ добавокъ и весьма счастливою наружностью, что составляетъ достоинство, немаловажное въ сценическомъ искусствѣ.

По поводу торжества закладки народнаго театра въ Прагѣ, въ вѣнской газетѣ *Zukunft* пишутъ: «Послѣ долгой борьбы, послѣ многихъ усилій и разочарованій, въ «золотой» славянской Прагѣ должна воспослѣдовать, 4-го (16-го) мая закладка національнаго чешскаго театра и приступить къ постройкѣ храма народнои драматической музы, которую такъ долго, какъ бы въ милости, пріобрѣтали въ нѣмецкомъ городскомъ театрѣ, построенномъ и поддерживаемомъ на чешскія деньги, и только теперь впервые она будетъ имѣть свое собственное убѣжище. По крейцерамъ собирали чехи сумму, потребную для этой цѣли; чешскій народъ, подобно хорватамъ, сербамъ и русскимъ галичапамъ, воздвигшимъ на свои собственные средства національныя зданія, приносилъ свою сбереженную, трудовую копѣйку на постройку въ Прагѣ чешскаго театра, в это обстоятельство содѣлаетъ предстоящее торжество особенно трогательнымъ и умиляющимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ поощреніемъ для всѣхъ славянскихъ народовъ, не привыкшихъ, подобно мадьярамъ и нѣмцамъ, воздвигать свои театры, музеи и памятники на чужія, или казенныя деньги. День 4-го (16-го) мая будетъ праздникомъ не для однихъ только чеховъ, но и для всѣхъ славянъ, сознающихъ свое духовное родство съ цѣлымъ славянскимъ міромъ. Что радуетъ чеховъ, то одинаково должно радовать словаковъ, хорватовъ, сербовъ, болгаръ, мало и великоруссовъ, ибо всѣ они сыны одной матери, имъ всѣмъ присущи одинаковыя духовныя стремленія, и горе и радость должны быть общими для нихъ. Наши братья въ свободной Сербіи, сербы Бѣлграда, подають въ этомъ отношеніи трогательный примѣръ. Тамъ, въ день закладки въ Прагѣ національнаго театра, готовится празднество, чистый доходъ съ котораго предназначается въ пользу чешскаго театральнаго фонда. Пештскіе славяне также намѣремы праздновать день 4-го (16-го) мая: на торжество этого дня въ Прагу стекается множество народа со всѣхъ концовъ земли чешской; кромѣ того, туда отправляются депутаты отъ всѣхъ чешско-моравскихъ и вѣнскихъ славянскихъ обществъ»

Въ чешскихъ газетахъ обнародована программа празднества, имѣвшаго быть въ Прагѣ вчера, 4-го мая, по случаю закладки народнаго театра. Когда съѣдутся въ городъ представители отъ чешскихъ общинъ и другіе приглашенные, торжество начнется наканунѣ музыкальнымъ и литературнымъ вечеромъ въ залахъ Народнаго Дома; 4-го мая, въ 10 час. утра, должна послѣдовать закладка зданія; первый ударъ молотка долженъ сдѣлать кардиналъ-архіепископъ пражскій; подъ фундаментъ положатся краткое историческое описаніе народнаго театра, чешскія газеты, того числа, монеты, списокъ приглашенныхъ гостей, планъ театра, списокъ пожертвованій и копія съ министерскаго постановленія по этому дѣлу. При закладкѣ хоромъ пѣвчихъ исполнится чешскій народный гимнъ «Гдѣ дому мый»; во время торжества — пущенія и ружейная

пальба. Послѣ обѣда — народное гулянье. На слѣдующій день, 5-го мая, назначено собраніе представителей всѣхъ чешскихъ обществъ, представленіе гимнастическихъ упражненій и концертъ въ пользу народного театра. Торжество окончится обѣдомъ въ ратушѣ. Въ воспоминаніе закладки театра будетъ отчеканена медаль. Въ воскресенье, 12-го мая, послѣдуютъ торжественныя представленія во всѣхъ театрахъ существующихъ въ Чехіи и Моравіи, сборъ съ которыхъ предпозначенъ въ пользу народного театра; утромъ того же дня во всѣхъ городахъ съ тою же цѣлю будутъ даваемы концерты. До какой степени патриотизмъ чеховъ проявляется въ этомъ дѣлѣ даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, видно изъ того, что изъ Праги напр. прибыла депутація изъ небольшого моравскаго городка Кошица и привезла съ собою въ даръ для закладки театра камень, добытый изъ ручья, въ которомъ, по преданію, тысячу лѣтъ тому назадъ св. Кириллъ крестилъ окрестныхъ жителей. По словамъ славянскихъ газетъ, получалъ приглашеніе къ этому торжеству слѣдующія лица изъ Россіи: мнѣистръ народного просвѣщенія, гр. ф. Д. А. Толстой; князь Щербатовъ М. П. Югодинъ, Ю. Ф. Самаринъ; А. Н. Остроумскій; Ив. С.

Тургеневъ; А. А. Потѣхинъ; А. Ф. Писемскій; Н. А. Некрасовъ; Ф. М. Достоевскій; графъ А. К. Толстой; графъ Кушелевъ Безбородко; профессоръ Ламаевскій; профессоръ Срезневскій; профессоръ Поповъ изъ Москвы; ректоръ московскаго университета Баршевъ; профессоръ Безсоновъ; переводчикъ краледнорской рукописи Н. В. Вергъ; генералъ Иващенко; капитанъ И. И. Петровъ (изъ Кронштадта); полковникъ Мпрковичъ; подполковникъ Фрейгангъ; А. А. Краевскій, редакторъ «Голоса»; С. П. Зыковъ, редакторъ «Русскаго Иллюстра»; Катковъ и Леопольдовъ, редакторы «Московскихъ Вѣдомостей»; И. С. Аксаковъ, редакторъ «Москвы»; профессоръ В. А. Лавровскій (изъ Харькова); историкъ Соловьевъ и Н. И. Костомаровъ; поэтъ Тютчевъ; композиторы Стрельниковъ и Балакиревъ; А. Н. Пыпинъ; О. Мюллеръ; А. Ф. Гильфердингъ; пѣвецъ О. А. Петровъ; академикъ Гротъ; А. И. Марановичъ; проф. Барсовъ изъ Вильны; инспекторъ Кулинь; актеры Самоиловъ и Садовскій; генералъ-адъютантъ Е. И. В., посолъ въ Константинополь Н. П. Игнатьевъ; консулы: Юппъ въ Бейрутѣ, Троянскій изъ Бѣлградъ, Ивановъ въ Скутари, Сученковъ изъ Руссукъ.

Редакторъ В. Родиславскій.

Издатель А. Пономаревъ.

Ч А С Т Н Ы Я О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

К О Н Т О Р А

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА

ДЛЯ ФАБРИКАЦІИ ВЪ МОСКВѢ

КАЛЛЕТОВСКИХЪ СВѢЧЕЙ

ПЕРЕВЕДЕНА на Варварку, въ домъ Гарановой, противъ Палаты бояръ Романовыхъ.

ВЪ К О Н Т О Р Ѣ

К О Р Е Щ Е Н К О С Т А Р Ш А Г О и К^о,

на Мясницкой, противъ дома г. Черткова,

П Р О Д А Ж А И П О К У П К А

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ.

П Р О Д А Ж А , П О К У П К А И С С У Д А П О Д Ѣ З А Л О Г Ѣ

домовъ, земель, лѣсовъ и выкупныхъ сумъ, по выкупнымъ предъявленнымъ слѣдкамъ и устнымъ грамотамъ.

Т Р И Д А Ч И

отдаются въ наймы, со всѣми принадлежностями, конюшнями и каретными сараями, на шоссе Петровскаго-Разумовскаго, участокъ № 43, г-жи Пономаревой.